

ТЕАТР

За спектакли большого дыхания

На сцене — гроза военных моряков. Только что отгремел бой, она отдыхают. И как будто не было тяжелых испытаний и смертельной опасности и не будет их больше — моряки смеются, пошучивают друг над другом.

Но проходят немного времени, и действие, начавшееся жанровой зарисовкой, богатое комическими подожжениями, заканчивается взволнованным, патетическим аккордом. Режиссер спектакля В. Менчинский нашел интересный зрительский образ для заключительной сцены: начальник политотдела базы Радужный, проводивший моряков в новый бой, поднялся на холм и отсюда провозгласит последние реплики спектакля.

— Люблю. Все про них знаю. И хорошее, и худое. Ни из кого не променяю. Сейчас мы цены нет, а ведь у них ещепереди. Не ярымы с тобой воевали.

Его боевой друг подполковник Левиц спрашивает: «Когда?».

Радужный отвечает: «Тогда». Мы легко догадываемся вместе с Левицким—когда. На нас вдруг дождно штурмовым ветром Октября, боевыми делами «братшек» — матросов, головы свои отдававших на гражданской войне за то, чтобы выросло новое поколение советских людей, для которых терзав стал нормой поведения...

И вот теперь, много дней спустя, в памяти все время встает заключительная сцена, видишь, как Радужный выходит на холм. Вместе с ним как бы приподнимается весь спектакль, его тема и люди, — приподнимаются в хорошем театральном смысле слова. Это радует и волнует. Надо, чтобы в ясных спектаклях было больше выразительных деталей, открытости, чтобы в ярких образах не ридвался героический дух современности, а не демонстративы серьезный быт и явные характеры.

Вот об этом хочется поговорить в связи с двумя спектаклями о советских войнах, которые поставлены в Ростове: о комедии А. Крона «Второе дыхание» (из которой взята описанная выше сцена) и о драме Е. Бондаревой «Хрустальный ключ» в театре имени М. Горького.

За последние годы театр армией в долгу перед нашей армией. Пьесы о ней идут очень редко. С тем большей радостью увидели ростовский, особенно молодой зритель названные выше спектакли, которые в общем удались, хорошо смотрятся. Они знакомы нас с хорошими и разными советскими людьми в военных музиках. Однако так сказать еще недостаточны.

В большинстве своем персонажи обеих пьес задуманы как люди большого сердца и большого змаха. Задуманы, но получились ли?

Жизнь Армии и Флота, ее героизм и годы войны, своеобразная романтика ее мирных будней, в которых действуют сильные, целеустремленные характеры, ярко раскрываются люди, имеются свои кофакты, дает богатый материал для драматургов и театров. Но зазвучал ли он во всю силу?

«Второе дыхание» и «Хрустальный ключ» — совсем разные пьесы. Первая пьеса рассказывает о любви, о высокой требовательности к себе и к другу. Действие в ней происходит накануне победы в Великой Отечественной войне. Вторая пьеса — драма о восточных днях. Автор не углубляется в интимный мир своих героев, а больше доказывает нам службу и быт пограничников с дальней тяжелой заставы, их моральные и боевые качества. Пьеса поднимает тему братственности, выступает против благодушия.

Главным героем «Второго дыхания» является командир диви-

зиона морских традиций капитан третьего ранга Сергей Бакланов — образ сложный, противоречивый. Автор говорит о нем, как о нештатном самородке. В противовес ему главный герой «Хрустального ключа» — начальник заставы капитан Быстров — чистый без примесей кристалл.

Актеры П. Кленов (Бакланов) и М. Капнтохия (Быстров) создали привлекательные образы.

Кленов играет очень темпераментно. Его Бакланов — человек искренний, сильный, талантливый. Но управлять собой он еще не умеет, у него много недостатков. Отсюда срывы во взаимоотношениях с боевыми друзьями, с любимой женщиной военврачом Варварой Лебедевой.

Капитан Быстров из «Хрустального ключа» внешне менее ярок. Мы видим его лишь при исполнении служебных обязанностей. Но когда смотришь спектакль, вступая Капнтохия, кажется, что на твоих глазах живописец создает портрет. Вот уже есть лицо, но выражение его еще неуловимо. Однако художник делает мазок, и в глубине глаз человека на портрете загораются лукавые огоньки юмора, еще мазок — и в четких энергичных чертах лица, где-то около рта проступает выражение доброты, еще движение кисти — и на лбу легла напряженная дума.

Капитан Быстров в исполнении Капнтохия — олицетворение мужества, постоянного «спокойного беспокойства», которым наделяла его профессия пограничника. В то же время он — застоялый человек. С женой его связывают удивительно красивые отношения, основанные на сильном чувстве и непоколебимом доверии. Своих подчиненных он любит глубокой, хоть и не показной любовью.

Мы дали как будто самую высокую оценку двум центральным персонажам обеих пьес. Это их лучшие образы. Но все же и они полностью не могут удовлетворить. Драматурги отпустили им материала не по «росту».

Серьезные недостатки Бакланова: грубость, нескромность не могли не привести его к реальному серьезному конфликту. Представляя нам автор такой конфликт, и борьба Бакланова с собой, его победа над собой дала бы нам не только понять, но и увидеть, какой это человек крупный, значительный, сделало бы образ по-настоящему волнующим.

Но что происходит на сцене? Причину вчерашнего охлаждения Варвары к Бакланову сам автор называет пустяковым случаем. А можно ли пустяком серьезно изволновать зрителя? Бакланов страдает, мечется, а мы хоть и сочувственно, но с улыбкой наблюдаем за этим: нам ясно, что Варвара обязательно «разберется» и вернет свою любовь Бакланову.

В этом виноват автор. Но в том, что образ Бакланова медленнее, чем мог быть, есть доля вины и режиссера. Вспомните, например, сцену, где Бакланов, выслушав от Столярова горькую правду о себе, задумывается. Так пусть же он, а вместе с ним и зритель, хорошо подумает над его печальными размышлениями. Но нет, сцена эта разрешается... смехом. Очень умные слова сказал Столяров, а мы просто похотели изд нами...

Подобные вещи происходят и с другими образами. Мы начали статью с того, как Радужный (актер А. Калининский) заставляет нас многое почувствовать. Но, к сожалению, он не всегда верен себе. Порой этот старый балтийский матрос, делавший ре-

волюцию, а теперь начальник полпозледа, мудрый и опытный военный воспитатель, кажется просто старым ворчливым добряком. Он забыл, что любимого и талантливого ученика надо воспитывать не послаблениями, а строгой требовательностью.

Посмотрим, как и в «Хрустальном ключе» медлится мир больших мыслей, чувств. Капитан Быстров много может. Но как мало он делает! Борьба с нарушителями границы оказывается в общем простой задачей, капитану не приходится вступить в поединок с изворотливым и опасным врагом, не удается провонять свой тонкий, сильный ум, воля, военное мастерство.

Главный конфликт драмы в том, что жена офицера-пограничника Алла (артистка Е. Филиппова) должна сделать выбор между долгом, повелевающим ей немедленно сообщить мужу о неожиданной встрече со скрывающимся на границе под чужой фамилией братом, и чувством привязанности к нему. Филиппова правдиво играет, и все же конфликт, который мог быть очень острым, чем-то ослаблен. Чем? Показному тем, что образ Аллы не разработан и млоз. Совершенно неясно, насколько глубоко внутренняя борьба Аллы.

Одна из сюжетных линий пьесы связана с солдатом Димой Захаровым (артист А. Бирюков). Пьеса развешивает в этом образе не просто благодушие, а сложное понимание романтики. Дима всю жизнь мечтал о службе на границе, представлял ее себе, как непрерывное выслеживание врага, бой, захват нарушителей. А тут, на границе с братским Китаем, тихо. Точное уставное исполнение служебных военных обязанностей кажется ему скучной, ненужной игрой.

Что ж, Захаров ошибался, но его жажда романтики — чудесная черта. Эту жажду надо удовлетворять чем-то большим, чем сухие поучения старшины Мурашко.

«Хрустальный ключ» поставил молодой режиссер А. Бирюков. Это его первая самостоятельная работа. Он внес много выдумки в спектакль, нашел выразительные детали и целые мизансцены, которые свидетельствуют о хорошей творческой фантазии и режиссерском зрении. Но ему не удалось достаточно ярко показать значительность дела пограничника, их открытость, реальное боевое напряжение повседневной жизни маленького дружного боевого коллектива. Обилие бытовых сцен, которые молодой режиссер с удовольствием разрабатывает, притупила действительную романтику службы на границе.

Тут недостатки не только режиссуры, но и пьесы, в которой отсутствует напряженное действие, слаба сюжетная линия, связанная с Захаровым, схематичны и мал ряд образов. Из материала, который дан в пьесе, конечно, «не выпрыгнешь». Но все-таки режиссер мог бы многое сделать...

Статья наша не претендует на подробный анализ спектаклей. Все же нельзя не сказать о блестящем мастерстве, с которым исполняют свои роли народный артист РСФСР Г. Леонид (пасечник Герасим) и артистка Е. Тарасова (Тасия Михайловна) в «Хрустальном ключе». Очень своеобразные образы во «Втором дыхании» создали А. Камская (Варвара Лебедева), Г. Егизаров (Левиц), В. Гринберг (лейтенант Козлов).

Правильно отметить, что оба ростовских театра дали два нужных спектакля о советских войнах. Но мы ждем от талантливых коллективов новых таких спектаклей — спектаклей большого дыхания, в которых бы не отдельные удачные детали, а вся образная ткань выражала большие идеи, которые радовали бы яркой театральностью.

Д. КРУТЯНСКИЙ.